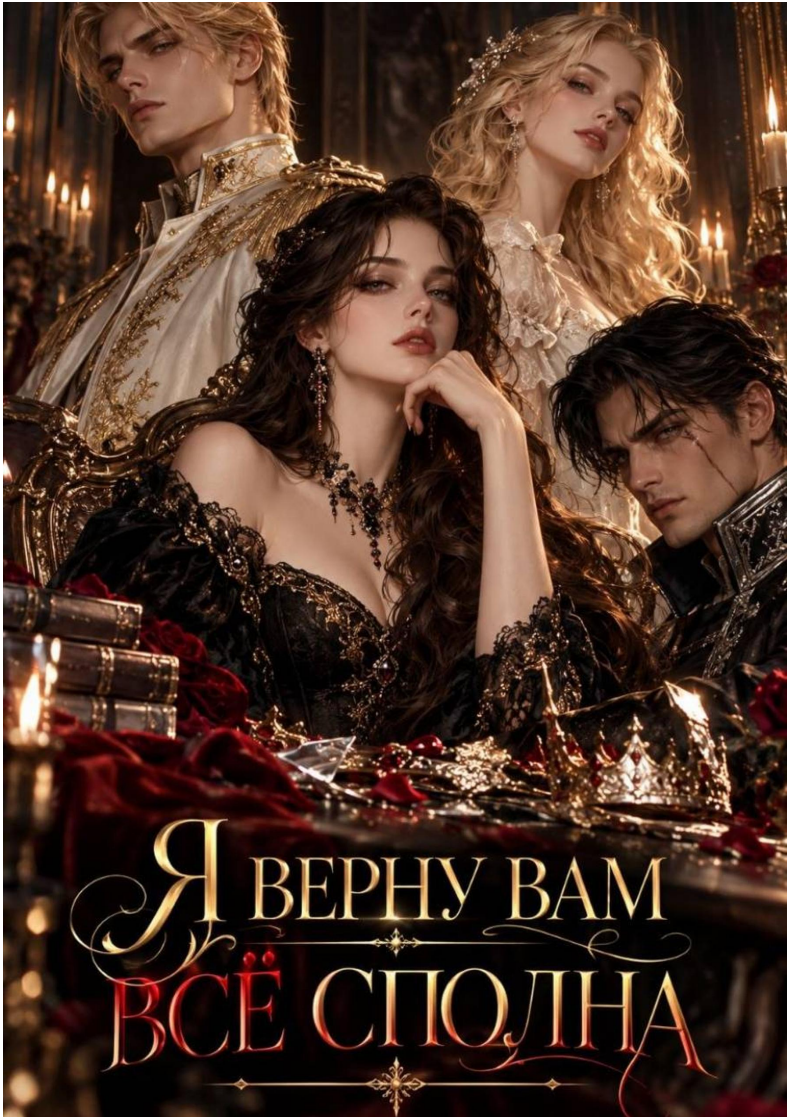
Я ВЕРНУ ВАМ
ВСЁ СПОЛНА

Муаттар Зиядинова

Я верну вам все сполна

https://litres.ru/74878329
SelfPub; 2026

Аннотация

В прошлой жизни я отдала им всё: своё имя, своё состояние, свою магию, свою любовь. Я даже отдала им право решать, сколько мне осталось жить.

Они убили моих родителей. Изменили мне. Лишили меня будущего. А когда я перестала быть полезной, решили избавиться и от меня.

Я прощала их ради сестры.

Теперь я знаю, чем закончится эта история.

И в этот раз я не собираюсь никого прощать

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Муаттар Зиядинова
Я верну вам все сполна

Пролог

Последний вздох

— Ты всё ещё смотришь на меня так, будто я тебе что-то должен.

Адриан стоял передо мной, держа в руке обнажённый клинок.

На его белоснежном камзоле не было ни пятнышка. Золотистые волосы лежали безупречно, голубые глаза оставались холодными и ясными. Он выглядел именно так, как должен выглядеть мужчина, которого весь двор считал воплощением благородства.

Мой муж.

Мужчина, которому я когда-то доверила своё сердце.

Я уже не чувствовала холода каменного пола. Не чувствовала боли в запястьях, рассечённых верёвками. Всё это стало незначительным по сравнению с тем, что я увидела несколько минут назад.

Моя сестра была мертва.

Аурелия убила её у меня на глазах, а Адриан даже не попытался остановить её.

Теперь они стояли рядом, словно только что завершили обычное дело.

— Я любила тебя, — прошептала я.

Адриан устало вздохнул.

— И снова об этом.

— Я любила тебя так сильно, что не замечала очевидного. Прощала тебе то, чего не простила бы никому другому. Отказывалась верить собственным глазам, когда ты лгал мне. Я думала, что если буду терпеливой, если буду понимать тебя, если не стану требовать слишком многого…

— Ты думала, что любовь делает тебя незаменимой? — Он слегка склонил голову. — Как трогательно.

Аурелия тихо рассмеялась.

Я повернула к ней голову.

— А ты? Ты хоть раз считала меня своей подругой?

Её улыбка стала тоньше.

— Конечно. Когда-то считала.

— И что изменилось?

— Я устала стоять рядом с тобой и быть второй.

Она произнесла это так просто, будто объясняла, почему сменила причёску.

— Ты получала всё, Астория. Любовь родителей. Богатство. Положение. Возможности. Даже когда делилась со мной, ты оставалась той, у кого было больше. Ты могла быть великодушной, потому что тебе никогда не приходилось бороться за крохи.

— Я дала бы тебе всё, что у меня было.

— Именно поэтому ты никогда не поняла бы меня.

Аурелия поправила рубиновое ожерелье на шее. Моё ожерелье. Подарок матери, который я когда-то одолжила ей на бал и больше не увидела.

— Ты могла бы стать моей сестрой, — сказала я.

— Но я не хотела быть твоей сестрой, Астория. Я хотела быть тобой.

Я закрыла глаза.

Теперь всё было понятно.

Мои тайны, мои слабости, мои страхи — всё, чем я делилась с ней в минуты доверия, стало оружием против меня. Она знала, как заставить меня замолчать, куда ударить, кого я буду защищать даже ценой собственной жизни.

И она использовала каждое знание.

— А ты, Адриан? — Я снова посмотрела на мужа. — Ты хоть когда-нибудь любил меня?

Он присел передо мной и взял меня за подбородок.

— Нет.

Одно короткое слово.

Без колебаний.

Без жалости.

— Ты была красивой женой. Хорошо воспитанной, умной, полезной. Я рассчитывал, что ты проявишь магию, что наш союз даст достойного наследника. Но ты оказалась пустым сосудом. Ни силы, ни наследника, ни будущего, кото-

рое я мог бы передать своему роду.

Он отпустил меня с таким выражением лица, будто испачкался.

— Я потратил на тебя годы.

— Я отдала тебе всё.

— А я хотел большего.

Он поднялся.

Я посмотрела на клинок в его руке.

И впервые за весь этот ужас поняла, что он действительно собирается меня убить.

Не запугать. Не заставить подписать очередной документ. Не использовать мою жизнь в качестве разменной монеты.

Убить.

— Адриан…

— Не утруждай себя, Астория. Ты больше не представляешь для меня никакой ценности.

Он говорил спокойно. Почти скучающе.

— Твои земли уже принадлежат мне. Твои права переданы. Твоя репутация уничтожена. Никто не станет задавать лишних вопросов, если я объявлю, что ты не пережила горя после смерти семьи.

— Ты убил моих родителей…

— Я устранил препятствия.

— А моя сестра?

— Больше не имеет значения.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри меня под-

нимается что-то страшное, безмолвное, огромное.

Не страх.

Не отчаяние.

Ненависть.

Адриан заметил, как изменилось моё лицо.

— Наконец-то, — произнёс он. — Хоть какое-то чувство, кроме жалкого желания всем угодить.

Он поднял клинок.

Я не стала умолять.

Не стала просить пощады.

Я уже знала, что он не остановится.

И когда сталь пронзила моё тело, мир словно отступил куда-то далеко.

Боль вспыхнула ослепительно ярко, а затем начала гаснуть. Я услышала, как Аурелия что-то сказала, как Адриан ответил ей. Их голоса становились всё тише.

Я упала на бок.

Перед глазами расплывались очертания зала. Где-то вдалеке горели факелы. Их свет дрожал на мраморных стенах.

Я пыталась вдохнуть, но воздух больше не слушался меня.

Вот и всё.

Странно. Я столько лет боялась потерять жизнь, а теперь, когда она уходила, мне было страшно не за себя.

Я не смогла защитить родителей.

Не смогла спасти сестру.

Не смогла увидеть ложь в глазах человека, которому до-

верила своё будущее.

И всё же…

Если бы мне дали ещё один шанс…

Мысль возникла внезапно, ясная и острая, словно последний луч света в непроглядной тьме.

Если бы я могла вернуться. Если бы время позволило мне начать всё сначала.

Я больше не просила бы любви.

Не стала бы искать оправдания чужой жестокости.

Не позволила бы никому убедить меня, что прощение важнее справедливости.

Я бы всё изменила.

Мои пальцы дрогнули на холодном камне.

Я спасла бы родителей. Сохранила бы свою семью. Не позволила бы им приблизиться к моей сестре. Я защитила бы своё наследие, свою силу, свою жизнь.

В груди что-то болезненно сжалось.

Адриан де Вальруа… Аурелия де Мирель… Если существует хоть одна сила, способная услышать меня, верните меня в прошлое.

Я не знала, кому обращаюсь.

К богам, в которых никогда не верила? К древней магии моего рода? К самой вечности?

Мне было всё равно.

Я раскрою ваши тайны. Разрушу ваши планы. Отниму у вас власть, богатство и положение, которыми вы так доро-

жите. Я заставлю вас ответить за каждую слезу, за каждую ложь, за каждую жизнь, которую вы отняли.

Сознание угасало.

Я уже не чувствовала собственного тела.

Но последняя мысль была яснее всех предыдущих.

Клянусь: если мне дадут шанс вернуться, я не повторю прежних ошибок. Я больше не стану прощать тех, кто сознательно причиняет мне боль. Не отступлю перед теми, кто сильнее меня. И не позволю никому снова отнять у меня тех, кого я люблю.

Тьма сомкнулась вокруг меня.

Адриан. Аурелия.

Я мысленно произнесла их имена в последний раз.

Вы решили, что победили.

Что-то глубоко внутри меня отозвалось на эту мысль.

Словно за пределами жизни кто-то услышал мою клятву.

Но если я вернусь…

Мир замер.

Я верну вам всё сполна.

И в тот миг, когда сердце Астории Эвермонт остановилось, тени на стенах двинулись против света.

Пламя факелов застыло.

Время треснуло.

А смерть, уже сомкнувшая над ней свои объятия, вдруг отпустила добычу.

Глава 1

Я всё ещё жива?

Боль не исчезала.

Даже когда сердце уже перестало биться, даже когда холод сомкнулся вокруг тела, а последние остатки света погасли перед глазами, боль продолжала жить во мне.

Я помнила её слишком хорошо.

Острый удар. Чужую руку, сжимавшую рукоять клинка. Тёплую кровь, стекавшую по животу и пропитывавшую ткань платья. И лицо мужчины, которого я когда-то любила настолько сильно, что ради него была готова отвернуться от всего мира.

Адриан.

Мой муж.

Мой палач.

Если бы мне дали ещё один шанс…

Я не успела закончить мысль.

Мир раскололся.

И теперь я слышала смех.

Тихий, звонкий, до боли знакомый смех, который не мог принадлежать мёртвым.

— Астория? Ты меня слышишь?

Чья-то ладонь легла на мою руку.

Я вздрогнула.

Нет.

Не может быть.

Я знала этот голос. Знала прикосновение, мягкое и тёплое, знала тонкий аромат розовой воды, которым всегда пахли её волосы.

Но я видела, как она умирала.

Видела, как моя маленькая сестра смотрела на меня широко раскрытыми глазами, не понимая, почему я не могу её спасти. Помнила, как Аурелия стояла рядом с ней, прекрасная, спокойная, почти неземная в своей светлой одежде.

И помнила, как после этого Адриан поднял на меня глаза.

Всё это было правдой.

Я умерла.

Я должна была умереть.

— Астория, дорогая, ты побледнела. Тебе нехорошо?

На этот раз голос прозвучал совсем близко.

Я медленно подняла голову.

Передо мной сидела мать.

Живая.

Её тёмные волосы были собраны в изящную причёску, несколько мягких прядей обрамляли лицо. На шее поблёскивало жемчужное ожерелье, которое отец подарил ей на годовщину свадьбы. Она смотрела на меня с беспокойством, чуть склонив голову набок.

Я знала каждую черту её лица.

И всё равно не могла поверить своим глазам.

— Мама… — выдохнула я.

Слово сорвалось с губ прежде, чем я успела его остановить.

Она улыбнулась.

— Конечно, милая. Что с тобой?

Я смотрела на неё, боясь моргнуть.

В моей памяти её лицо было неподвижным и бледным. Я помнила траурные одежды, закрытый гроб и собственные руки, дрожавшие над её холодным лбом. Помнила, как после её смерти наш дом стал огромным, пустым и чужим.

Но сейчас мать была рядом.

Она дышала.

Она улыбалась мне.

Я опустила взгляд на её руку, лежавшую поверх моей, и сжала её пальцы.

Тёплые.

Живые.

Из моей груди вырвался рваный вдох.

— Астория, — произнёс отец, — ты нас пугаешь.

Я повернулась к нему.

Отец сидел во главе стола, как и всегда. Прямая спина, спокойное лицо, серебряные нити в тёмных волосах у висков. Он держал бокал за тонкую ножку и смотрел на меня с той суровой нежностью, которую редко позволял себе показывать при посторонних.

Я помнила его голос.

Помнила его руки.

Помнила, как однажды мне пришлось стоять перед закрытыми дверями его кабинета, пока люди, назвавшиеся друзьями семьи, убеждали меня, что он больше никогда не вернётся.

Я помнила его похороны.

И я помнила, что после них у меня больше не осталось никого, кто мог бы защитить меня от Адриана.

— Папа…

Мой голос дрогнул.

Отец нахмурился.

— Может быть, тебе стоит отдохнуть? Этот вечер оказался утомительнее, чем мы предполагали.

Этот вечер.

Я медленно огляделась.

Длинный обеденный стол, покрытый белоснежной скатертью. Серебряные подсвечники. Хрустальные бокалы, в которых отражалось пламя свечей. Свежие цветы в фарфоровой вазе. За высокими окнами темнел сад родового поместья Эвермонтов.

Нашего дома.

Не того холодного дворца, где я провела последние годы жизни. Не покоев, в которых меня запирали под предлогом заботы о моей безопасности. Не зала, где меня лишили всего, что я любила.

Я была дома.

— Сестрёнка, ты сейчас заплачешь?

Я резко повернула голову.

Рядом со мной сидела девочка.

Моя девочка.

Моя маленькая сестра.

Она смотрела на меня своими ясными глазами, чуть приоткрыв губы. В её волосах запуталась тонкая лента, а на щеке осталась крошечная капля соуса. Она выглядела так возмутительно живой, так по-детски беспечной, что у меня перехватило дыхание.

Я не выдержала.

Протянула руку и коснулась её щеки.

Девочка удивлённо моргнула.

— Что ты делаешь?

Я не ответила.

Вместо этого притянула её к себе и обняла.

Крепко.

Слишком крепко для обычного семейного вечера.

Она пискнула от неожиданности, а затем обняла меня в ответ.

— Астория! Ты меня раздавишь!

Я уткнулась лицом в её волосы.

И заплакала.

Беззвучно, судорожно, не в силах остановить слёзы, которые жгли глаза и стекали по щекам. Я плакала не так, как плачут от боли. Я плакала так, словно мне вернули то, что

уже было навсегда отнято, и я боялась, что стоит разжать руки — и всё снова исчезнет.

Моя сестра была жива.

Мать была жива.

Отец был жив.

Все они были здесь.

И я могла прикоснуться к ним.

— Что же это такое? — растерянно произнесла мать. — Дорогая, что случилось?

Я покачала головой, не отпуская сестру.

Как мне объяснить?

Что я уже хоронила их?

Что слышала их последние крики в своих кошмарах, а потом перестала спать, потому что боялась снова увидеть их лица?

Что я помнила, как мой муж методично разрушал всё, что составляло мою жизнь, и как я сама, ослеплённая любовью, помогала ему?

Нет.

Я не могла рассказать им правду.

Не сейчас.

Я не знала, что со мной произошло. Не знала, почему оказалась здесь. Не знала, сколько времени мне отпущено и что именно изменилось.

Но одно я знала наверняка.

Я не позволю им умереть снова.

— Простите, — прошептала я, наконец отстраняясь от сестры. — Я… просто очень счастлива, что мы все сегодня вместе.

Это была правда.

Самая страшная правда в моей жизни.

Мать ласково провела ладонью по моим волосам. Отец обменялся с ней обеспокоенным взглядом, но не стал задавать новых вопросов. Моя сестра, решив, что буря миновала, тут же потянулась за десертом.

И только Аурелия продолжала смотреть на меня.

Она сидела справа от меня, в нежно-голубом платье, с золотистыми локонами, ниспадавшими на плечи. Её лицо было безупречно прекрасным. Светлые глаза сияли сочувствием, губы изгибались в мягкой улыбке.

Когда-то я считала эту улыбку одним из самых дорогих сокровищ своей жизни.

Я доверяла ей всё.

Свои мечты. Свои страхи. Секреты, которые не решалась рассказать даже матери. Я делилась с ней радостью и горем, защищала её от насмешек и называла сестрой, хотя мы не были связаны кровью.

Я любила её.

И она знала об этом.

— Ты сегодня совсем на себя не похожа, — тихо сказала Аурелия. — Ты уверена, что с тобой всё хорошо?

Я посмотрела на неё.

На безупречную кожу. На золотые волосы. На изящные пальцы, сложенные возле бокала.

И вдруг вспомнила кровь.

Не свою.

Кровь моей сестры на её руках.

На мгновение мне показалось, что я снова слышу её последние слова. В груди вспыхнуло нечто настолько острое, что я едва не вскочила из-за стола.

Но я не вскочила.

Не закричала.

Не схватила Аурелию за руку, не потребовала объяснений и не спросила, сколько лет она притворялась моей подругой.

Я лишь улыбнулась.

Так, как улыбалась ей прежде.

— Всё хорошо, Аурелия. Просто немного закружилась голова.

Она внимательно изучала моё лицо, словно пыталась понять, что именно скрывается за моими словами.

Я выдержала её взгляд.

Впервые в жизни мне было что скрывать от неё.

И впервые я не чувствовала ни малейшего желания делиться.

— Возможно, тебе стоит выпить воды, — предложила она.

— Благодарю. Я справлюсь.

Я произнесла это спокойно, почти ласково.

Аурелия улыбнулась в ответ.

И тогда мужчина, сидевший напротив меня, заговорил:

— Надеюсь, моё предложение не стало причиной твоего волнения, Астория.

Мир остановился.

Я знала этот голос так же хорошо, как собственное имя.

Низкий, бархатистый, с едва заметной хрипотцой. Голос, который когда-то заставлял моё сердце биться быстрее. Голос, которому я верила даже тогда, когда все вокруг пытались предупредить меня.

Я медленно подняла глаза.

Адриан де Вальруа сидел напротив меня в тёмном парадном камзоле. Светлые волосы были аккуратно зачёсаны назад, холодные голубые глаза смотрели на меня с безупречной учтивостью. Его лицо выражало лёгкое беспокойство — ровно столько, сколько требовалось, чтобы окружающие сочли его заботливым и внимательным мужчиной.

Он был прекрасен.

И я ненавидела его.

Не за то, что он был жесток. Не только за то, что он предал меня.

Я ненавидела его за то, что когда-то сама вручила ему оружие, которым он меня убил. Я доверила ему свою жизнь, свою семью, своё будущее. Я позволила ему войти в наш дом, поверила его обещаниям и назвала его любовью.

А он превратил всё это в орудие моей гибели.

Мои пальцы медленно сжались под столом.

Не сейчас.

Не здесь.

Я не могла позволить ему увидеть страх. Тем более — ненависть.

Адриан слегка склонил голову.

— Я понимаю, что подобные решения не принимаются за один вечер. И всё же мне хотелось бы услышать твои мысли.

Мои мысли?

Я едва не рассмеялась.

Он просил моей руки.

В тот самый вечер, который в прежней жизни стал началом конца.

Отец ждал моего ответа. Мать смотрела на меня с осторожной надеждой. Аурелия сидела рядом, изображая подругу, которая искренне желает мне счастья.

Они все ждали.

И только я знала, чем закончится эта история, если позволить ей идти прежним путём.

Я посмотрела на свои руки.

На пальце не было обручального кольца. На коже не осталось следов от его прикосновений. Моё тело было молодым, здоровым, не знавшим последних лет унижений и страха.

Я медленно вдохнула.

Затем выдохнула.

И задала себе единственный вопрос, который имел значение.

Я всё ещё жива?

Да.

Я была жива.

И если судьба действительно вернула меня в прошлое, то на этот раз я не собиралась повторять ни одной ошибки.

Я не знала, почему время позволило мне вернуться. Не знала, какая сила вырвала меня из смерти. Не знала, можно ли изменить всё, что я помнила.

Но я знала, с чего начну.

Я спасу свою семью.

Я выясню, кто и когда начал плести интриги против дома Эвермонт.

Я узнаю, что на самом деле скрывается за безупречными манерами Адриана де Вальруа и преданной улыбкой Ауре-лии де Мирель.

И когда придёт время, каждый из них ответит за то, что сделал.

Не сегодня.

Сегодня я должна была стать прежней Асторией Эвер-монт — девушкой, которая ещё верила в любовь, дружбу и счастливое будущее.

Я подняла глаза на Адриана и позволила губам изогнуться в лёгкой улыбке.

— Ваше предложение, лорд де Вальруа, — произнесла я ровно, — стало для меня неожиданностью.

Он улыбнулся.

Той самой улыбкой, которую я когда-то любила.

— Надеюсь, приятной.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Это мне ещё предстоит выяснить.

На мгновение его улыбка стала чуть менее уверенной.

Совсем ненадолго.

Но я заметила.

И впервые за всю свою жизнь почувствовала не страх перед Адрианом де Вальруа.

А предвкушение.

Игра началась.

Только теперь я знала, чем заканчивается партия.

И на этот раз я собиралась изменить её финал.

Глава 2

Улыбка, за которой прячется ложь

— Это мне ещё предстоит выяснить.

Адриан де Вальруа на мгновение задержал на мне взгляд, а затем улыбнулся — спокойно, почти снисходительно.

— Разумеется, леди Астория. Я готов ждать.

Я знала эту улыбку. В прежней жизни она казалась мне проявлением терпения и уважения. Теперь же я видела в ней уверенность человека, который заранее решил, каким будет чужой ответ.

Отец поставил бокал на стол.

— Адриан, полагаю, нам стоит обсудить некоторые обстоятельства вашего предложения отдельно.

— Я полностью согласен, лорд Эвермонт.

— Тогда после ужина приглашаю вас в кабинет.

— С удовольствием.

Мать бросила на отца короткий взгляд, в котором читалось привычное беспокойство за семейные дела.

— Эдмунд, только не задерживайте нашего гостя до полуночи. Вы оба умеете превратить любой разговор в бесконечное обсуждение документов.

Отец усмехнулся.

— Изабелла, я обещаю хотя бы попытаться.

— Вот это уже звучит обнадёживающе.

За столом послышался негромкий смех.

Я смотрела на родителей, стараясь не выдавать своих чувств. Они разговаривали так естественно, словно ничто в мире не могло нарушить привычный порядок их жизни.

Я знала, что это не так.

Но сегодня не собиралась позволять воспоминаниям отнять у меня даже этот вечер.

— Астория, — обратился ко мне Адриан, — надеюсь, завтра мы сможем продолжить нашу беседу.

Я подняла на него глаза.

— Если у меня найдётся свободное время, милорд.

— Буду ждать с нетерпением.

Он произнёс это так, будто уже получил согласие.

Я лишь вежливо улыбнулась.

Вскоре мужчины поднялись из-за стола и направились в кабинет. Мать осталась с нами, а Элиза, дождавшись, пока взрослые отвлекутся, потянулась за последней засахаренной грушей.

— Лиззи, я всё вижу, — заметила мать, даже не поворачивая головы.

Младшая сестра застыла с грушей в руке.

— Но ты же не собиралась её есть, мама.

— Вот как?

— Я просто хотела убрать её со стола.

Я прикрыла улыбку ладонью.

— Разумеется. И совершенно случайно решила убрать её

в собственный рот.

— Астория! — возмутилась сестра. — Ты должна быть на моей стороне!

— Я на твоей стороне, Лиззи. Но это не означает, что я обязана поддерживать каждую твою проделку.

— Тогда это ужасная сторона!

На этот раз рассмеялась даже мать.

Я тоже смеялась, хотя внутри меня что-то болезненно сжималось.

Лиззи была жива. Ей было девять лет, и её больше волновала засахаренная груша, чем предложение Адриана де Вальруа. Она ещё не знала, что однажды станет орудием в чужих руках.

Я не собиралась позволять этому случиться.

Когда гости наконец уехали, мать проводила меня до лестницы.

— Ты сегодня была необычайно задумчива, дорогая.

Я обернулась.

— Правда?

— Ты едва не расплакалась за столом, а потом стала такой серьёзной. Это всё из-за предложения Адриана?

Я могла бы сказать, что устала. Могла бы сослаться на головную боль или волнение. Но Изабелла знала меня слишком хорошо, чтобы удовлетвориться совсем уж небрежным ответом.

— Наверное, я просто не ожидала, что всё произойдёт так

быстро, — сказала я.

Мать внимательно посмотрела на меня.

— Ты не обязана соглашаться только потому, что он сделал предложение. И не обязана отказываться лишь потому, что испугалась перемен.

Я молчала.

— Астория, — продолжила она мягче, — я хочу, чтобы ты была счастлива. Не потому, что этого требует наша фамилия. Не потому, что так будет выгодно дому Эвермонт. А потому, что это твоя жизнь.

На мгновение мне показалось, что я снова маленькая девочка и могу просто рассказать матери обо всём, что меня тревожит.

Но я не могла.

— Я знаю, мама.

Она поцеловала меня в лоб.

— Тогда не торопись с решением. Эдмунд тоже не собирается отвечать Адриану завтра утром. Мы всё обсудим.

Я кивнула и обняла её.

— Спокойной ночи, мама.

— Спокойной ночи, моя дорогая.

Я поднялась к себе, не оглядываясь.

Утром я проснулась раньше обычного.

В доме уже начиналась привычная суета: за дверями проходили слуги, в коридоре тихо переговаривались горничные, а издалека доносился звон посуды.

Я попросила Мари помочь мне одеться и выбрала простое тёмно-зелёное платье. Сегодня мне предстояло поговорить с отцом о семейных делах. Для этого не требовались ни украшения, ни особенный наряд.

Когда я вошла в малую столовую, Эдмунд уже сидел за столом с бумагами.

Изабелла поставила перед ним чашку чая.

— Эдмунд, ты обещал мне, что хотя бы сегодня позавтракаешь без документов.

— Я обещал попытаться, Изабелла.

— И, разумеется, решил, что попытка считается успешной, если ты хотя бы один раз поднял глаза от бумаг.

Отец улыбнулся и отложил лист.

— Хорошо. Сдаюсь. На ближайшие десять минут я принадлежу исключительно семье.

— Великодушно с твоей стороны, — заметила мать.

Я села рядом с ней.

Лиззи появилась последней, с лентой, небрежно вплетённой в волосы, и с таким выражением лица, словно собиралась объявить всему дому о несправедливости, которую ей пришлось пережить.

— Мама, ты ведь помнишь, что обещала подумать о поездке в город?

— Помню.

— И уже подумала?

— Пока нет.

Лиззи тяжело вздохнула.

— Взрослые ужасно медленно принимают решения.

— Особенно когда кто-то напоминает им о решении каждые пять минут, — сказала я.

Сестра посмотрела на меня с укором.

— Ты изменилась.

Я замерла, но Лиззи тут же добавила:

— Раньше ты хотя бы иногда соглашалась со мной.

— Возможно, я наконец поумнела.

— Тогда это совсем печально.

Я рассмеялась и поправила ей ленту.

В такие минуты было легко забыть, что я помнила её смерть. Но я не хотела, чтобы страх определял каждое наше мгновение. Лиззи заслуживала не только спасения. Она заслуживала счастливого детства.

— Если мама разрешит, я сама съезжу с тобой в город, — сказала я.

Сестра тут же оживилась.

— Правда?

— Правда. Но только если ты перестанешь пытаться добиться своего с помощью драматических вздохов.

— Я никогда так не делаю!

— Конечно, Лиззи, — вмешалась мать. — Ты просто очень выразительно дышишь.

Отец рассмеялся, а сестра принялась возмущаться уже против нас обеих.

Я смотрела на них и впервые за долгое время чувствовала, что могу просто находиться рядом с семьёй, не притворяясь чужой самой себе.

Однако утро не могло длиться вечно.

Когда завтрак закончился, я дождалась, пока Лиззи убежит к себе, и обратилась к отцу:

— Папа, вчера ты говорил, что мы можем обсудить семейные дела.

Эдмунд сразу стал серьёзнее.

— Конечно. Ты уже обдумала предложение Адриана?

— Я обдумала то, что брак затронет не только меня. Если я однажды стану женой лорда де Вальруа, мне следует понимать, в каком положении находится наш дом и какие обязательства мы несём.

Отец несколько секунд молчал.

— Это разумный подход. Многие молодые женщины вспоминают о подобных вещах уже после свадьбы.

— Я не хочу оказаться среди них.

Он одобрительно кивнул.

— Хорошо. После обеда приходи ко мне в кабинет. Я попрошу управляющего подготовить последние соглашения, документы по земельным владениям и сведения об обязательствах перед нашими родственниками.

— Благодарю, папа.

Я поцеловала его в щёку и вышла.

Теперь у меня появилась возможность изучить дела дома

Эвермонт не вызывая подозрений. Дочь, которая готовится к возможному браку, вполне естественно интересуется положением своей семьи.

Мне не нужно было придумывать ложь. Достаточно было задавать правильные вопросы.

Аурелия приехала ближе к полудню.

Я увидела её из окна: светлая карета остановилась у парадного входа, и через несколько минут подруга уже входила в мою гостиную.

— Надеюсь, я не помешала, — сказала она, снимая перчатки.

— Ты никогда не мешаешь, Аурелия.

Она улыбнулась и устроилась в кресле напротив меня.

— Я всю дорогу думала о вчерашнем вечере. Ты удивила меня, Астория.

— Неужели я сделала что-то необычное?

— Лорд де Вальруа просит твоей руки, а ты отвечаешь ему так, будто он пригласил тебя на скучный бал.

— Мне следовало немедленно согласиться?

— Не говори глупостей. — Аурелия рассмеялась. — Просто я думала, что ты будешь счастлива.

Я налила ей чай.

— Я тоже думала, что буду знать, что чувствую, когда придёт такой момент.

— И что же изменилось?

Я поставила чайник на подставку.

— Ничего определённого. Мне просто кажется, что я ещё недостаточно знаю Адриана.

Аурелия слегка приподняла брови.

— Но вы столько времени общаетесь.

— Общаться и знать человека — не одно и то же.

Она некоторое время молчала, а затем отпила чай.

— Возможно. Но он влиятельный человек, Астория. Такой союз открыл бы перед тобой множество возможностей.

— А ты считаешь, что это главное?

— Конечно, нет. Но было бы глупо отрицать значение его положения.

Я кивнула, словно её ответ полностью меня удовлетворил.

Затем спросила:

— Ты ведь встречала Адриана и прежде. Какое впечатление он производил на тебя?

Аурелия чуть задержалась с ответом.

— Он умеет производить впечатление. Впрочем, это неудивительно.

— Ты хорошо его знаешь?

— Не настолько, чтобы судить о нём. Мы несколько раз встречались на приёмах, не более того.

Я запомнила ответ, но не стала задавать новых вопросов.

Мне было слишком рано делать выводы. Я не знала, когда именно в прежней жизни Аурелия перешла черту. Не знала, что она чувствовала тогда и что чувствует сейчас.

Я лишь помнила, чем всё закончилось.

И этого было недостаточно, чтобы понять, что происходит сегодня.

Мы заговорили о предстоящем приёме, о новых платьях и о знакомых семьях. Аурелия оставалась прежней: остроумной, общительной, внимательной к мелочам. Она рассказывала о своей матери и жаловалась на ремонт в их городском доме.

Я слушала её и отвечала, как отвечала всегда.

Когда она собралась уходить, то обняла меня.

— Ты ведь знаешь, что можешь рассказать мне всё, правда?

Я на мгновение задержала руки у неё на спине.

— Конечно, Аурелия.

Она отстранилась, улыбнулась и вышла.

Я проводила её до лестницы и вернулась в гостиную.

Пока что между нами ничего не изменилось — по крайней мере, внешне.

И именно так всё и должно было оставаться.

После обеда я пришла в кабинет отца.

На столе лежали несколько папок, а рядом стояла стопка документов, перевязанных тёмной лентой.

— Здесь соглашения за последние два года, — объяснил Эдмунд. — Начнём с земельных владений и обязательств перед родственниками. Если что-то покажется непонятным, спрашивай.

Я села напротив него и открыла первую папку.

Сначала всё выглядело совершенно обычно: договоры аренды, отчёты управляющего, переписка с соседними поместьями. Я читала медленно, стараясь разобраться в датах, названиях и суммах.

Я не ожидала найти доказательства заговора на первой же странице.

Через некоторое время одно имя встретилось мне уже во второй папке. Затем — в третьей.

Один из наших дальних родственников регулярно выступал посредником в вопросах, которые прежде решались непосредственно управляющим. Пока это не означало ничего дурного. Возможно, отец просто доверял ему определённые поручения.

Я переписала имя на отдельный лист и продолжила чтение.

— Что-то привлекло твоё внимание? — спросил Эдмунд.

Я подняла глаза.

— Пока не знаю. Мне просто хочется разобраться, кто за что отвечает.

Отец одобрительно кивнул.

— Тогда продолжай. Если захочешь, завтра я познакомлю тебя с управляющим. Он сможет объяснить, как устроено управление поместьем.

— Я была бы благодарна.

Я снова склонилась над документами.

За окном медленно сгущались сумерки. В кабинете пах-

ло бумагой, воском и старым деревом. Я слышала, как отец переворачивает страницы, и чувствовала странное спокойствие от того, что впервые могла не просто ждать будущего, а готовиться к нему.

На столе лежали первые сведения, с которых я могла начать собственное расследование.

Я пока не знала, приведут ли они меня к ответам.

Но теперь у меня был доступ к семейным делам, возможность задавать вопросы и достаточно времени, чтобы научиться отличать настоящую угрозу от случайного совпадения.

И этого было достаточно для первого шага.

Глава 3

Глава 3.
Цена доверия

— Отец, здесь ошибка.

Эдмунд Эвермонт поднял голову от письма.

— Где именно?

Я развернула перед ним два документа. Один содержал отчёт об аренде земельных владений, другой был соглашением, подписанным несколькими месяцами ранее. Речь шла об одном и том же участке, однако указанные суммы не совпадали.

— В отчёте арендная плата значится в полном объёме, — объяснила я. — Но в соглашении указана другая сумма. Я решила, что, возможно, условия пересматривались, однако не нашла соответствующего распоряжения.

Отец придвинул бумаги и внимательно сверил даты.

— Ты проверяла остальные соглашения?

— Только те, которые управляющий подготовил к нашему разговору. В нескольких документах я встретила имя одного и того же посредника.

— Кто именно?

— Лорд Виктор Эвермонт.

Отец перестал перелистывать бумаги.

Виктор приходился ему дальним родственником и участ-

вовал в некоторых делах нашего рода. Я не знала, насколько близкими были их отношения, но понимала, что назвать его имя было непросто.

— Он занимается частью наших соглашений по моему поручению, — произнёс Эдмунд. — Однако я не припоминаю, чтобы разрешал менять условия этой аренды.

— Возможно, распоряжение оформлялось отдельно.

— Возможно.

Отец не стал делать поспешных выводов. Он положил документы рядом и несколько минут молча изучал записи.

— Принеси мне все соглашения, связанные с этим участком, — наконец распорядился он, обращаясь к слуге у двери. — И оригиналы финансовых отчётов за последние два года. Пусть их доставят лично мне.

Когда слуга вышел, отец посмотрел на меня.

— Астория, пока мы не выясним, что произошло, об этом никто не должен знать.

— Я понимаю.

— Ни Виктор, ни другие родственники. И управляющему не нужно объяснять, почему нас заинтересовали эти документы. Если ошибка случайная, мы просто исправим её. Если нет, нам следует понять, кто и зачем её допустил.

Я кивнула.

— Тогда нам нужно проверить не только бумаги, связанные с Виктором. Если кто-то намеренно изменял условия соглашений, подобные следы могут обнаружиться и в других

делах.

Отец некоторое время смотрел на меня, словно обдумывал мои слова.

— Согласен. Проверим весь архив.

Он произнёс это спокойно, но теперь я видела в его взгляде сосредоточенность человека, который решил не оставлять вопрос без ответа.

Документы принесли ближе к полудню.

Мы остались в кабинете вдвоём. Отец попросил слуг не беспокоить его до дальнейшего распоряжения, сославшись на необходимость закончить работу с годовыми отчётами.

На столе постепенно образовались стопки бумаг: земельные соглашения, ведомости по арендным платежам, переписка с управляющим, счета поставщиков и документы, связанные с обязательствами перед родственниками.

Эдмунд предложил начать с самого простого — проверить, соответствуют ли финансовые отчёты подписанным договорам.

Работа оказалась кропотливой.

Мы сверяли даты, суммы и подписи, отмечали расхождения, возвращались к уже просмотренным страницам. Отец хорошо знал историю большинства сделок и мог объяснить, почему некоторые условия менялись. Я же обращала внимание на повторяющиеся детали и сопоставляла документы, которые прежде не рассматривались вместе.

К середине дня обнаружилось ещё одно несоответствие.

В отчёте о поступлениях значилась сумма, которая не совпадала с условиями договора поставки. Разница была небольшой, но документ не содержал пояснения, на основании которого она могла возникнуть.

В этот раз имя Виктора отсутствовало.

Я положила рядом две бумаги.

— Здесь другая сделка. Но проблема похожая.

Отец внимательно прочитал записи.

— Этим договором занимался управляющий, а не Виктор.

— Значит, либо ошибки не связаны между собой, либо кто-то ещё участвовал в оформлении документов.

— Или мы пока не нашли объяснения, — поправил отец. — Не будем торопиться.

Я согласилась.

Следующая папка содержала переписку с несколькими дворянскими домами. В одном из писем упоминалось разрешение на изменение условий соглашения. Однако среди приложенных бумаг самого разрешения не оказалось.

Эдмунд проверил свои записи.

— Я не помню, чтобы подписывал этот документ.

— Но письмо утверждает, что разрешение было получено.

— Да.

Он перечитал письмо ещё раз и отложил его отдельно.

Теперь перед нами лежали три разных случая: несоответствие в арендном соглашении, расхождение в финансовом отчёте и письмо со ссылкой на отсутствующее разрешение.

Ни один из них сам по себе не доказывал злого умысла. Но оставлять их без проверки было нельзя.

— Мы продолжим завтра, — сказал отец. — Я хочу, чтобы архивариус нашёл регистрационные записи по этим документам. Не нужно поднимать тревогу. Достаточно запросить обычную проверку архива.

— А если кто-то спросит, почему мы заинтересовались этими бумагами?

— Скажем правду: я пересматриваю дела дома. Это моё право и моя обязанность.

Он собрал документы в отдельную папку и запер её в ящике письменного стола.

— И, Астория, ещё одно. Пока не обсуждай это даже с матерью.

Я посмотрела на него.

— Ты ей не доверяешь?

— Дело не в доверии к Изабелле. Я не знаю, насколько далеко заходят эти несоответствия и кто может оказаться к ним причастен. Чем меньше людей знают о проверке, тем меньше вероятность, что кто-то изменит свои действия прежде, чем мы поймём, что происходит.

Я медленно кивнула.

Это было разумно. И я знала, как трудно отцу далось решение оставить жену в неведении, пусть даже временно.

— Я ничего не скажу, — пообещала я.

— Хорошо. Тогда пока будем вести себя как обычно.

Он открыл ящик, достал другую папку и положил её на стол — уже с документами, не связанными с нашим расследованием.

Когда в дверь постучали, отец спокойно ответил:

— Войдите.

В кабинет заглянул секретарь и сообщил, что лорд Виктор Эвермонт прислал письмо с просьбой назначить встречу на следующей неделе.

Отец не изменился в лице.

— Ответьте, что я приму его в назначенное время.

— Да, милорд.

Секретарь ушёл.

Мы с отцом обменялись коротким взглядом. Ни один из нас не произнёс имени Виктора вслух.

Пока мы не знали, что означает найденное расхождение. И теперь предстояло дождаться встречи, не дав родственнику ни малейшего повода заподозрить, что его дела проверяют.

К вечеру мы закончили только часть работы.

Я вышла из кабинета и направилась в малую гостиную, где Лиззи с увлечением рисовала на большом листе бумаги. Рядом лежали ленты, карандаши и раскрытая книга с иллюстрациями платьев.

— Астория! — позвала она. — Посмотри, какое я придумала.

Я присела рядом.

На рисунке красовалось голубое платье с длинными рукавами и широкой юбкой. Лиззи добавила к нему золотистую ленту, а подол украсила целым рядом крошечных звёзд.

— Очень красиво, — сказала я. — Ты сама придумала узор?

— Да. Но портниха должна сделать его лучше. Я же не могу прийти на приём в платье, нарисованном на бумаге.

— Это было бы довольно смело.

Лиззи рассмеялась, а затем вдруг посерьёзнела.

— Ты ведь поедешь со мной к тёте Клариссе?

Я посмотрела на неё.

— Ты очень хочешь попасть на этот приём?

— Конечно! Там будут другие девочки. И тётя Кларисса обещала показать мне свою новую музыкальную комнату.

Я помнила это имя.

Кларисса Эвермонт принадлежала к числу родственников, которые после гибели моих родителей поддержали борьбу за наследство. Я не могла утверждать, что она участвовала в заговоре, но знала, что в прежней жизни она не помогла нашей семье, когда помощь была особенно нужна.

Теперь она приглашала Лиззи к себе.

Само по себе приглашение не означало угрозы. Я не собиралась запрещать сестре встречаться с родственниками только потому, что мои воспоминания вызывали подозрения.

— Я поговорю с мамой, — ответила я. — Мы узнаем, кто ещё будет на приёме, и тогда решим.

Лиззи нахмурилась.

— Ты всегда говоришь, что нужно сначала всё узнать.

— Потому что иногда это помогает избежать неприятностей.

— А иногда мешает веселиться.

— И это тоже верно.

Она вздохнула с видом человека, вынужденного мириться с невыносимо рассудительной старшей сестрой.

Я улыбнулась и помогла ей подобрать ленту к рисунку.

Через несколько минут Лиззи уже рассказывала, какую музыку она попросит сыграть на приёме и какие сладости надеется там попробовать.

Я слушала её, задавала вопросы и не показывала, что имя Клариссы заставило меня задуматься.

Позже я нашла мать в её гостиной.

Изабелла разбирала письма и делала пометки на полях одного из них.

— Мама, Лиззи рассказала мне о приглашении тёти Клариссы.

— Да, дорогая. Я ещё не ответила. Эдмунд хочет сначала уточнить некоторые обстоятельства.

— Кто будет присутствовать?

— Я как раз собиралась попросить секретаря узнать. А что?

Я осторожно подбирала слова.

— Мне кажется, стоит выяснить это заранее. Лиззи очень

хочет поехать, но я давно не была на подобных семейных приёмах и не знаю, кого Кларисса собирается пригласить.

Изабелла отложила письмо.

— Это разумно. Я уточню список гостей. Если всё будет в порядке, не вижу причины отказывать Лиззи.

Я кивнула.

— Спасибо, мама.

Она посмотрела на меня чуть внимательнее.

— Ты в последнее время стала очень серьёзной, Астория. Сначала предложение Адриана, теперь забота о семейных делах. Не слишком ли много ответственности ты на себя берёшь?

Я улыбнулась.

— Возможно, мне просто хочется лучше понимать, что происходит вокруг меня.

— Это хорошее желание. Но не забывай, что тебе не обязательно решать всё самостоятельно.

Я обняла её.

— Я не забываю.

И это не было ложью. Просто пока я не могла рассказать ей, что именно мне известно.

На следующее утро отец получил ответ от архивариуса.

Некоторые регистрационные записи сохранились, другие требовали дополнительной проверки. Однако уже было ясно, что по одному из соглашений отсутствовал документ, на который ссылались в переписке.

Эдмунд пригласил меня в кабинет до завтрака.

— Мы нашли ещё одну проблему, — сказал он, показывая мне письмо архивариуса. — Подтверждение, о котором говорится в переписке, не зарегистрировано. Это не доказывает, что его никогда не существовало, но мы должны установить, кто его видел и на каком основании сослался на него.

— Значит, нужно проверить оригиналы писем и выяснить, кто передавал документы между кабинетом и архивом.

— Именно.

Он сделал паузу.

— Астория, я хочу, чтобы ты понимала: мы не станем обвинять никого, пока не узнаем правду. Даже если окажется, что Виктор допустил нарушение, нам нужно будет понять, сделал ли он это намеренно и действовал ли один.

— Я согласна.

— И никто за пределами этого кабинета не должен знать, что мы проводим проверку.

Я посмотрела на запертую папку на столе.

Теперь расследование касалось уже не одного соглашения и не одного родственника. Несколько документов требовали объяснения, а некоторые записи могли указывать на то, что кто-то действовал без надлежащего разрешения главы дома.

Но мы всё ещё не знали, была ли между этими случаями связь.

Отец убрал письмо в папку.

— Сегодня я встречусь с управляющим по обычным во-

просам. А ты продолжишь изучать соглашения. Если обнаружишь что-то ещё, запиши это отдельно, но не делай выводов раньше времени.

— Хорошо.

Я взяла подготовленный список документов и направилась к столу.

За окном начинался новый день. В доме всё оставалось как прежде: слуги выполняли свои обязанности, мать готовилась к делам дня, Лиззи спорила с горничной о причёске, а родственники продолжали присылать письма и приглашения.

Никто не знал, что в кабинете Эдмунда Эвермонта началась проверка, способная изменить судьбу всего рода.

И пока мы не собирались никому об этом рассказывать.

Глава 4

Глава 4.
Тени, которые помнят

Утро началось с дождя.

Капли стекали по высоким окнам поместья Эвермонтов, оставляя на стекле извилистые дорожки. Сад за окном потемнел, гравийные дорожки блестели от влаги, а тяжёлые ветви старых лип покачивались под порывами ветра.

Астория стояла у окна, держа в руках чашку остывшего чая. За последние дни она привыкла просыпаться раньше обычного. Стоило открыть глаза, как память возвращала её к событиям первой жизни, и сон больше не шёл.

Но сегодня её мысли занимали не только воспоминания.

Вчера отец сообщил, что проверка семейных документов продолжается. Эдмунд не собирался перекладывать расследование на дочь, однако обещал держать её в курсе. Астория уважала его решение и не собиралась вмешиваться без необходимости. Ей было достаточно знать, что происходит, и вместе с отцом обсуждать обнаруженные несоответствия.

Раздался стук.

— Войдите.

Эдмунд вошёл, прикрыв за собой дверь.

— Надеюсь, я не помешал?

— Нет, папа. Ты хотел поговорить?

Он положил на стол тонкую папку.

— Получили новые сведения из архива. Документ, на который ссылаются в одном из соглашений, по-прежнему не найден. Регистратор проверил основной реестр и дополнительные записи.

— А финансовые отчёты?

— Там тоже есть расхождения. Одно касается договора с поставщиком, другое — сроков проведения платежей. Пока неясно, связаны ли эти случаи между собой.

Астория придвинула к себе папку и просмотрела верхний лист.

— Значит, нужно дождаться оригинала договора и проверить даты.

— Именно этим я и занимаюсь. — Эдмунд забрал бумаги. — Не хочу делать выводы на основании одних копий.

— Ты собираешься поговорить с Виктором?

— Пока нет. Он знает, что я пересматриваю семейные дела, но не знает, какие именно документы меня заинтересовали. Пусть всё остаётся как есть, пока мы не разберёмся.

Астория кивнула.

— Я понимаю.

— И, пожалуйста, не меняй своего поведения с родственниками. Если у кого-то есть отношение к этим несоответствиям, мы не должны предупреждать его раньше времени. Но это не означает, что мы вправе считать кого-либо виновным.

— Я и не собираюсь обвинять людей без доказательств.

Эдмунд внимательно посмотрел на дочь, затем улыбнулся.

— Хорошо. Я сообщу тебе, когда появятся новые результаты. А пока постарайся заняться чем-нибудь, кроме семейных бумаг.

— Постараюсь.

— Вот и славно. Не хотелось бы обнаружить, что моя дочь решила заменить меня на посту главы рода.

— Не переживай, папа. У меня пока нет таких амбиций.

— Пока? Это уже тревожно.

Астория рассмеялась, и отец, довольный тем, что сумел её развеселить, направился к двери.

Когда он ушёл, она ещё немного постояла у окна.

Проверка продвигалась медленно, но Эдмунд действовал осторожно. Это было правильно. Сейчас им требовались не догадки, а факты.

Однако у Астории имелись и другие дела.

Она не могла позволить расследованию поглотить всё её внимание. Впереди были светские мероприятия, люди, с которыми ей предстояло встретиться, и решения, которые нельзя было откладывать бесконечно.

В частности, ей нужно было понять, как познакомиться с Дарианом Ноктрейном.

К полудню дождь закончился. Астория устроилась в библиотеке с книгой по истории старинных дворянских домов,

когда дверь распахнулась и на пороге появилась Аурелия.

— Скажи, что ты ещё не успела заняться чем-нибудь ужасно важным.

Астория отложила книгу и улыбнулась.

— Судя по твоему выражению лица, у меня всё равно нет шансов отказаться.

— Вот видишь, как хорошо ты меня знаешь!

Аурелия подошла к столу, сняла перчатки и положила рядом небольшую сумочку.

— Мне нужны ленты для нового платья. Тебе нужна прогулка. А ещё в мастерской мадам Селесты появились украшения из лунного серебра.

— И ты решила, что без меня не справишься?

— Разумеется. Ты умеешь отличить красивую вещь от дорогой безделушки. А я могу купить половину магазина, если меня вовремя не остановить.

— Поразительная честность.

— Я ценю свои достоинства.

Астория рассмеялась.

С Аурелией всегда было легко. По крайней мере, так ей казалось прежде. Подруга умела превращать даже обычный поход за покупками в небольшое приключение, а её непосредственность часто помогала Астории отвлечься от собственных забот.

Сейчас это было особенно кстати.

— Хорошо, — согласилась она. — Только дай мне пере-

одеться.

— Я буду ждать внизу. И постарайся не выбирать платье целую вечность.

— Кто бы говорил.

Аурелия приложила руку к груди с притворным возмущением.

— Я оскорблена.

— Переживёшь.

— Вот за это я тебя и люблю.

Она подмигнула и вышла из библиотеки.

Астория на мгновение замерла, глядя на закрывшуюся дверь.

Эти слова она слышала сотни раз. Когда-то они были для неё бесспорным доказательством их дружбы. Теперь она знала, что впереди их ждут события, о которых Аурелия пока даже не подозревала, — по крайней мере, Астория надеялась, что не подозревала.

Но она не собиралась проводить каждый день, проверяя подругу на искренность. Пока Аурелия оставалась частью её жизни, и Астория не намеревалась разрушать их отношения одними подозрениями.

Она закрыла книгу и отправилась переодеваться.

Город после дождя выглядел особенно красивым. На мостовых блестели лужи, в воздухе пахло мокрым камнем и свежей листвой, а торговцы уже выставили товары, пользуясь тем, что небо начало проясняться.

Аурелия сразу направилась к лавке тканей.

— Мне нужна лента цвета тёмной розы, — объявила она продавщице. — Нет, не такая. Чуть глубже оттенок. И покажите, пожалуйста, серебристую.

Астория устроилась на небольшом диване у стены, наблюдая, как подруга перебирает образцы.

Через десять минут Аурелия выбрала первую ленту, которую ей показали.

— Ты могла решить это сразу, — заметила Астория, когда они вышли на улицу.

— Могла. Но тогда я лишилась бы удовольствия убедиться, что первоначальный выбор был правильным.

— Конечно. Как я могла забыть?

— Не пытайся меня передразнивать. Это дурная привычка.

— Я учусь у лучших.

Аурелия фыркнула и взяла её под руку.

Они заглянули ещё в несколько лавок, а затем остановились возле кофейни. Внутри было людно, поэтому девушки заняли столик у окна. Аурелия заказала горячий шоколад, Астория — чай с пряностями.

Пока они ждали заказ, рядом раздались голоса нескольких молодых аристократов.

— Говорят, председателю пришлось прервать заседание, — произнёс один из мужчин. — Ноктрейн опять пошёл против Вальруа.

— Неудивительно. Они терпеть друг друга не могут.

— Дело не в личной неприязни. Ноктрейн выступил против предложения о расширении полномочий нескольких дворянских домов. Вальруа рассчитывал получить поддержку Совета.

— И что теперь?

— Теперь весь двор будет обсуждать, кто из них одержал верх.

Аурелия дождалась, пока мужчины отойдут к другому столику, и повернулась к Астории.

— Видишь? Я же говорила, что сегодня весь город обсуждает Совет.

Астория сделала глоток чая.

— А что именно предложил Адриан?

— Не знаю всех подробностей. Но, судя по разговорам, речь шла о распределении полномочий между несколькими влиятельными домами. Дариан Ноктрейн выступил против, и Адриан воспринял это как очередную попытку помешать ему.

— Они давно враждуют?

— Достаточно давно, чтобы окружающие уже перестали удивляться. — Аурелия пожала плечами. — Стоит одному высказать мнение, другой обязательно найдёт способ возразить.

— А причина?

— Здесь всё сложнее. Есть старая история о поединке, по-

сле которого Дариан получил шрам на лице. Адриан объявил себя победителем, но некоторые утверждали, что всё произошло не совсем честно.

Астория посмотрела на подругу внимательнее.

— Ты знаешь подробности?

— Только то, что слышала от других. Я сама при этом не присутствовала. Говорят, Дариан уже считал поединок завершённым, когда Адриан нанёс последний удар. Но кто знает, что там произошло на самом деле? В подобных историях каждый рассказывает то, что ему выгодно.

Астория опустила чашку.

Она знала, что произошло на самом деле. Адриан притворился, что сдаётся, а затем воспользовался скрытым магическим артефактом, когда Дариан ослабил бдительность. После этого он представил случившееся как честную победу.

Дариан мог ответить ему тем же. Мог убить его или потребовать возмездия.

Но не сделал этого.

И, насколько Астория помнила, Адриан никогда не простил ему такого великодушия.

— Ты встречалась с Дарианом? — спросила она.

— Несколько раз видела его на приёмах, но мы никогда не разговаривали близко. Он не производит впечатления человека, которому нравится светская болтовня.

— А что ты о нём думаешь?

Аурелия задумалась.

— Думаю, он опасен. Но не так, как Адриан. Ноктрейн не пытается понравиться всем вокруг и не скрывает, когда ему кто-то неприятен. Это, пожалуй, делает его более предсказуемым.

— Предсказуемость ещё не означает надёжность.

— Вот именно! — Аурелия оживилась. — Поэтому не вздумай решить, что раз он противостоит Адриану, то непременно окажется хорошим человеком.

— Я и не собираюсь.

— Хорошо. А то ты в последнее время стала такой серьёзной, что я уже боюсь, как бы ты не начала составлять списки достоинств и недостатков каждого мужчины при дворе.

Астория улыбнулась.

— Возможно, это не такая уж плохая идея.

— Астория!

— Что?

— Я пытаюсь спасти тебя от скучной жизни!

— И пока у тебя получается весьма посредственно.

Аурелия рассмеялась и бросила в неё маленькую салфетку.

Астория тоже смеялась, но мысли её уже возвращались к Дариану.

Она не собиралась считать его союзником только потому, что он враждовал с Адрианом. Однако теперь у неё был повод задуматься о личном знакомстве.

Дариан обладал влиянием, не подчинялся Вальруа и, судя

по всему, не боялся открыто выступать против него. Астории хотелось понять, что им двигало, какие цели он преследовал и каким человеком он был за пределами придворных слухов.

Ей требовалось не покровительство, а информация. И, возможно, в будущем — союз, основанный на взаимной выгоде.

— Астория? — позвала Аурелия.

— Прости, задумалась.

— Я заметила. Ты опять мысленно составляешь список достоинств и недостатков?

— Нет. Я думаю, что мне пора расширять круг знакомств.

— Прекрасная мысль. Начни с меня. Я могу рассказать о себе множество интересного.

— Боюсь, я уже знаю слишком много.

— Невозможно!

Астория улыбнулась и подняла чашку.

В этот раз ей удалось перевести разговор в шутку, не раскрывая истинных причин своего интереса. Она не собиралась торопить знакомство с Дарианом, но теперь точно знала, что хочет встретиться с ним лично.

И найти подходящий повод.

Когда девушки вернулись в поместье, Аурелия задержалась ненадолго. Они вместе разложили покупки, обсудили платья для приёма у тётки Клариссы и вспомнили несколько забавных историй из детства.

Астория слушала подругу, улыбалась в нужных местах и

старалась не сравнивать каждое мгновение настоящего с тем, что помнила из первой жизни.

Когда Аурелия наконец уехала, в доме стало тихо.

Астория поднялась к себе, чтобы переодеться к ужину.

Служанка оставила на туалетном столике платье и украшения, после чего вышла, прикрыв за собой дверь. Астория сняла дневное платье и потянулась за домашним халатом.

В этот момент раздался сухой треск.

Она обернулась.

Настенная лампа над письменным столом накренилась. Её крепление давно требовало ремонта, и Астория не раз замечала, что металлическая скоба держится ненадёжно.

Теперь скоба окончательно вышла из стены.

Лампа сорвалась вниз — прямо над головой Астории.

Она инстинктивно вскинула руки, пытаясь защититься, но не успевала даже отступить.

И тогда тьма поднялась навстречу падающему предмету.

Чёрная полоса вырвалась из тени у самого пола и метнулась вверх, словно живая. Она обвилась вокруг корпуса лампы и остановила его в нескольких дюймах от головы Астории.

На мгновение всё замерло.

Астория смотрела на тяжёлый металлический корпус, зависший в воздухе. Его удерживала тень — без видимой опоры, без заклинания, без малейшего движения с её стороны.

Затем тёмная хватка исчезла.

Лампа рухнула на ковёр.

Астория отступила, прижав ладонь к груди. Сердце билось так сильно, что каждый удар отдавался в висках.

Она посмотрела на лампу, затем на пол.

Тень лежала у её ног совершенно обычно.

Астория медленно опустилась на корточки и коснулась холодного металлического корпуса. Если бы лампа ударила её по голове, последствия могли оказаться серьёзными.

Но она не упала на неё.

Тьма остановила её.

— Что это было?.. — прошептала Астория.

Ответа не последовало.

Она поднялась, закрыла дверь на ключ и отодвинула кресло, освободив участок пола.

— Поднимись.

Ничего.

— Двигайся.

Тень повторила движение её руки, как и полагалось.

Астория нахмурилась и попробовала ещё раз. Она сосредоточилась, пытаясь вспомнить ощущение, возникшее в момент опасности. Тогда воздух словно сгустился, а темнота ответила на её страх быстрее, чем она успела осознать происходящее.

Но теперь всё было иначе.

Ничего не происходило.

Она опустила руку.

В первой жизни её считали лишённой магического дара. Испытания не выявили в ней силы, которую можно было бы развивать. Учителя не находили признаков скрытой способности.

Но сегодня тьма остановила тяжёлую лампу в воздухе.

Астория подошла к зеркалу и внимательно посмотрела на своё отражение. Никаких изменений. Ни знаков на коже, ни необычного сияния в глазах.

Она выглядела совершенно обычно.

И всё же что-то изменилось.

Она не знала, почему сила проявилась именно сейчас, и не собиралась придумывать объяснения. Сначала нужно было понять, что произошло, а уже потом искать способ управлять этим.

Астория позвала служанку и велела убрать повреждённую лампу, объяснив, что крепление давно было ненадёжным. Она не стала рассказывать, что видела, и не позволила удивлению отразиться на лице.

Когда комната снова опустела, Астория достала лист бумаги и написала:

Теневая магия. Первое проявление при непосредственной опасности.

Она помедлила и добавила:

Контроль отсутствует.

Лист отправился в запертый ящик письменного стола.

Астория не собиралась никому рассказывать о произо-

шедшем, пока сама не разберётся в природе этой силы.

Но теперь ей требовались книги о редких магических способностях. И человек, который мог бы помочь ей понять то, чего она сама пока не понимала.

Имя Дариана Ноктрейна снова возникло в памяти.

Она не знала, владеет ли он теневой магией, и не собиралась приписывать ему способности без оснований. Однако он был влиятельным человеком, не зависел от Адриана и, судя по всему, умел разбираться в сложных вещах.

Познакомиться с ним всё равно стоило.

Только не теперь. Сначала Астория должна была понять, что произошло в её комнате, и найти способ выяснить больше о собственной силе.

Она погасила свечи и направилась к кровати.

В темноте комната выглядела совершенно обычно.

Но, прежде чем закрыть глаза, Астория заметила, как тень от её руки на мгновение задержалась на стене.

Она резко повернулась.

Тень повторила движение.

Астория замерла, затем медленно опустила руку.

На этот раз всё произошло так, как должно было.

Она легла, не отводя взгляда от стены.

Впервые с момента возвращения в прошлое её пугало не то, что она помнила о будущем.

Её пугало то, чего она не знала о себе самой.

Глава 5

Глава 5.
Бал, на котором оживает прошлое

Приглашение от тётушки Клариссы пришло несколько дней назад. К этому вечеру семья Эвермонт готовилась без особой суеты: подобные приёмы давно стали привычной частью жизни аристократии.

Для Клариссы бал был не просто развлечением. Она любила собирать под одной крышей представителей старинных семей, наблюдать за их отношениями и слушать разговоры, в которых за невинными любезностями порой скрывалось куда больше, чем казалось на первый взгляд.

Астория хорошо помнила эти вечера.

В прошлой жизни она приезжала сюда с лёгким сердцем, радуясь встречам со знакомыми и возможности провести время с семьёй. Ей нравилось наблюдать за танцами, слушать музыку и угадывать, кто из молодых лордов собирается сделать предложение очередной наследнице.

Тогда всё это казалось ей обычной частью светской жизни.

Теперь она знала, что самые опасные решения иногда принимаются именно в таких залах.

— Астория, ты собираешься весь вечер любоваться своим отражением? — спросила Изабелла, появившись в дверях спальни.

Астория отвела взгляд от зеркала.

Мать стояла на пороге в тёмно-синем платье с тонкой серебряной вышивкой. Волосы были уложены в элегантную причёску, на шее поблёскивала фамильная подвеска.

Она выглядела так же, как Астория помнила её до смерти.

И всё же теперь каждый подобный миг казался подарком, ценность которого невозможно измерить.

— Я пытаюсь понять, не слишком ли торжественно выгляжу, — ответила Астория.

Изабелла подошла ближе и поправила складку на её рукаве.

— Ты выглядишь прекрасно. Даже если бы на тебе было самое простое платье, ничего бы не изменилось.

— Мама, ты пристрастна.

— Разумеется. Я твоя мать. Это моё право.

Астория улыбнулась.

На ней было платье цвета ночного неба, расшитое серебряными нитями. Длинные тёмные волосы оставили распущенными, убрав лишь несколько прядей у висков. Из украшений она выбрала небольшие серьги и тонкую цепочку.

Ей не хотелось привлекать к себе излишнее внимание.

По крайней мере, пока она сама не решит, кому и что хочет показать.

— Лиззи уже готова, — сообщила Изабелла. — И, кажется, считает, что бал устраивают исключительно ради неё.

— Тогда ей придётся смириться с тем, что остальные го-

сти тоже захотят потанцевать.

— Я уже пыталась объяснить ей эту несправедливость.

— И что она ответила?

— Предложила попросить музыкантов играть только тогда, когда она будет танцевать.

Астория рассмеялась.

— В этом есть определённая логика.

— Не поощряй её, — строго сказала Изабелла, хотя в глазах у неё плясали смешинки.

Она протянула дочери руку. Астория вложила в неё свои пальцы и на мгновение задержалась, ощущая тепло материнской ладони.

Ей хотелось сохранить этот вечер в памяти целиком. Не как предвестие беды и не как очередной шаг в игре, которую ей предстояло вести, а просто как вечер с семьёй.

Ради таких мгновений стоило бороться.

Дом тётушки Клариссы сиял огнями.

У входа сменяли друг друга экипажи, лакеи принимали плащи, а из открытых окон доносилась музыка. В саду, среди аккуратно подстриженных кустов, горели фонари, освещая дорожки и небольшие каменные беседки.

В главном зале сверкали хрустальные люстры. Между колоннами стояли вазы с белыми розами, а вдоль стен располагались столики с напитками и закусками. Гости беседовали небольшими группами: кто-то обсуждал последние решения Совета, кто-то — предстоящие браки, кто-то предпочи-

тал говорить о нарядах и новых назначениях при дворе.

Кларисса встретила Эвермонтов у входа.

— Наконец-то! — воскликнула она, поцеловав Изабеллу в щёку и приветственно склонив голову перед Эдмундом. — Я уже начала подозревать, что вы решили лишить меня удовольствия видеть вас всех вместе.

— Мы бы никогда не посмели, — ответил Эдмунд.

— Астория, дорогая, — Кларисса повернулась к ней, — ты становишься всё красивее. Скоро мне придётся запретить тебе появляться на моих балах, иначе остальные девушки перестанут со мной разговаривать.

— Тогда вам придётся запретить появляться и Аурелии, — с улыбкой ответила Астория. — Иначе я буду возмущена несправедливостью.

— Аурелия уже здесь. И, кажется, как раз ищет тебя.

Кларисса оказалась права.

Из-за группы гостей появилась Аурелия де Мирель. Золотистые локоны мягко обрамляли её лицо, а жемчужно-розовое платье подчёркивало светлую кожу и изящную фигуру. Она улыбалась так открыто, что на неё невольно обращали внимание.

Увидев Асторию, Аурелия поспешила к ней.

— Наконец-то! Я уже решила, что ты заставишь меня провести весь вечер в компании людей, которые считают разговор о налогах подходящей темой для бала.

— Бедная ты моя, — с сочувствием произнесла Астория.

— Как же ты пережила эти несколько минут?

— С трудом. Ещё немного, и мне пришлось бы самой начать разговор о налогах, лишь бы не уснуть.

Они рассмеялись и обнялись.

Прикосновение Аурелии было привычным. Знакомым был и запах её духов. Когда-то Астория знала о подруге почти всё: её любимые цветы, нелюбимые блюда, детские страхи, мечты и маленькие слабости. Они делились секретами и письмами, говорили о будущем и строили планы, которые казались им незыблемыми.

Астория без колебаний впускала её в самые сокровенные уголки своей жизни.

Теперь она помнила, чем закончилась эта близость.

Однако ни одна эмоция не отразилась на её лице.

— Ты сегодня особенно задумчивая, — заметила Аурелия, отстранившись. — Неужели уже устала от светского сезона?

— Напротив. Я только начинаю получать удовольствие.

— Тогда я обязана найти тебе достойного собеседника.

— Только не того, кто захочет весь вечер рассказывать мне о налогах.

— Никаких обещаний.

Аурелия взяла её под руку, и они направились в зал.

Астория отвечала на приветствия, разговаривала со знакомыми и слушала истории о дальних поездках и новых назначениях. Она старалась вести себя так же, как прежде, не

позволяя ни настороженности, ни воспоминаниям влиять на привычную манеру общения.

Время от времени она наблюдала за Аурелией.

Та легко переходила от одной компании к другой, умела быть внимательной, обаятельной и немного загадочной. Ничего в её поведении не выдавало женщину, которую Астория помнила из своей первой жизни.

И, возможно, именно это было страшнее всего.

Адриана де Вальруа Астория заметила возле одной из колонн.

На нём был чёрный парадный камзол с серебряной отделкой. Светлые волосы были аккуратно зачёсаны назад, а на лице играла знакомая улыбка, которая заставляла собеседников чувствовать себя особенными.

Заметив Асторию, он сразу повернул голову.

Их взгляды встретились.

Адриан извинился перед собеседниками и направился к ней.

— Леди Астория, — произнёс он, склонившись над её рукой. — Рад видеть вас.

— Лорд де Вальруа.

— Вы прекрасно выглядите.

— Вы уже говорили мне это.

— Разве комплименты теряют ценность, если их повторить?

— Зависит от того, насколько они искренни.

На мгновение в его глазах мелькнуло удивление. Затем улыбка стала чуть шире.

— Вы заставляете меня быть осторожнее в словах.

— Возможно, это полезное упражнение.

Астория сказала это легко, почти шутливо. Для окружающих их разговор выглядел обычным обменом любезностями.

Адриан, похоже, решил, что она просто немного кокетничает.

— Позволите пригласить вас на следующий танец?

— С удовольствием.

Она не собиралась отказываться. Резкая перемена в поведении могла вызвать вопросы, а вопросы ей сейчас были совершенно не нужны.

Когда зазвучали первые аккорды, Адриан протянул ей руку и вывел на паркет.

Он танцевал безупречно. Двигался уверенно, соблюдал все правила приличия и говорил с той лёгкой непринуждённостью, которая располагала к нему окружающих.

— Надеюсь, вы обдумали моё предложение, — произнёс он, когда они плавно повернули в очередном танцевальном движении.

Астория подняла на него глаза.

— Я не привыкла принимать важные решения в спешке.

— Разумеется. И всё же я надеюсь, что вы не оставите меня в неопределённости слишком надолго.

— Неужели вы так боитесь неопределённости, лорд де

Вальруа?

— Только когда дело касается того, что мне дорого.

Он произнёс это безупречно. Мягкий тон, внимательный взгляд, почти искреннее выражение лица.

В прошлой жизни Астория поверила бы ему.

Она вспомнила, как слушала подобные слова, не замечая, что Адриан умел представлять собственные интересы как проявление благородства, а стремление получить желаемое — как доказательство глубины чувств.

— Я сообщу вам своё решение, когда буду готова, — ответила она.

— Я буду ждать.

Музыка закончилась.

Адриан проводил её с паркета и задержал её руку чуть дольше, чем требовали приличия.

— Надеюсь, этот вечер подарит нам ещё возможность поговорить.

— Уверена, в таком большом доме мы обязательно найдём друг друга.

Она улыбнулась и отошла к Аурелии, которая наблюдала за ними неподалёку.

— Кажется, лорд де Вальруа настроен весьма серьёзно, — заметила подруга.

— Он сделал мне предложение. Было бы странно, если бы он не проявлял серьёзности.

— Ты невозможна, — рассмеялась Аурелия. — Любой

другой девушке было бы приятно услышать подобные слова.

— Мне тоже приятно внимание. Но внимание и решение связать с человеком свою жизнь — разные вещи.

Аурелия на мгновение задумалась.

— Ты права. Наверное, я просто привыкла думать, что такие мужчины всегда получают то, чего хотят.

— Возможно, поэтому им иногда полезно напоминать, что мир устроен иначе.

Астория произнесла это с лёгкой улыбкой. Аурелия не стала придавать словам особого значения.

Вскоре к ним присоединилась знакомая дама, и разговор сменился обсуждением предстоящего зимнего приёма.

Астория продолжала беседовать, но краем глаза следила за залом. Адриан снова оказался в центре внимания. Люди сами тянулись к нему, желая заручиться его поддержкой или хотя бы попасть в круг его знакомых.

Она же знала, что за его безупречной репутацией скрывается человек, способный разрушить чужую жизнь ради собственного возвышения.

Ей предстояло узнать больше о его связях, планах и причинах настойчивого интереса к семье Эвермонт.

Но пока она могла лишь наблюдать.

— Ты слышала, что лорд Ноктрейн тоже приехал? — спросила Аурелия чуть позже, когда они остановились у стола с напитками.

Астория не сразу ответила.

Имя Дариана Ноктрейна уже звучало в их недавнем разговоре в кофейне. Тогда Аурелия пересказывала новости о заседании Совета и противостоянии двух лордов.

— Дариан Ноктрейн? — уточнила Астория.

— А ты знаешь другого лорда Ноктрейна? — усмехнулась Аурелия. — Он где-то в западной галерее. Кажется, не слишком доволен обществом.

— С чего ты взяла?

— Я видела его лицо, когда одна из дам попыталась втянуть его в разговор о будущих браках. Думаю, он предпочёл бы участвовать в заседании Совета.

— Возможно, там разговоры честнее.

— Ты сегодня необычайно благосклонна к людям, которые не любят светские беседы.

Астория улыбнулась.

Она помнила рассказ о старой дуэли, после которой на лице Дариана остался шрам. Помнила и то, что Адриан объявил себя победителем, хотя в действительности прибегнул к обману.

Дариан мог убить его, но не стал.

Почему — Астория не знала. Не знала она и того, каковы истинные причины его противостояния с Адрианом. Само по себе это противостояние не делало Дариана её союзником.

Но она хотела увидеть его сама.

Не по чужим рассказам и не по слухам, которые могли

быть намеренно искажены. Ей нужно было составить собственное мнение о человеке, который, возможно, однажды окажется важен для её планов.

— Я ненадолго отойду, — сказала она Аурелии.

— Куда?

— Хочу немного пройтись. Здесь довольно душно.

— Только не пропадай надолго. Я не собираюсь весь вечер объяснять твоим поклонникам, куда ты исчезла.

— У меня есть поклонники?

— Пока один весьма настойчивый. Но, думаю, очередь скоро выстроится.

Астория рассмеялась и направилась к боковому выходу из зала.

Она не собиралась немедленно искать Дариана. Ей хотелось немного побыть одной, привести мысли в порядок и отдохнуть от музыки, голосов и пристального внимания.

Она прошла по коридору, миновала открытую дверь в малую гостиную и оказалась в тихой части дома, где свет настенных ламп ложился на картины мягкими золотистыми пятнами.

Отсюда можно было выйти в сад, но Астория решила остаться внутри.

Она не знала, что именно увидит, если продолжит путь.

И пока предпочитала не торопить события.

Голоса донеслись из соседней галереи.

Сначала Астория не разобрала слов. Услышала лишь ти-

хий смех, затем мужской голос, который узнала бы среди сотни других.

Адриан.

Она замедлила шаг.

— Ты сегодня слишком много внимания уделял ей, — произнесла Аурелия.

Астория остановилась.

— Мне приходится, — ответил Адриан. — Она должна поверить, что мне нужна именно она.

Несколько секунд стояла тишина.

— А если она откажет?

— Не откажет.

В его голосе не было ни сомнения, ни раздражения. Только уверенность человека, привыкшего считать собственные желания почти свершившимися фактами.

— Ты так уверен в ней? — спросила Аурелия.

— Я уверен в том, что она привыкла доверять людям. Особенно тем, кто умеет правильно с ней разговаривать.

Астория почувствовала, как внутри медленно холодеет.

— Иногда мне кажется, ты слишком высокого мнения о себе, — сказала Аурелия.

— А иногда тебе кажется, что я недостаточно высокого.

— Возможно.

— Ты ведь знаешь, что я не позволю кому-то другому занять твоё место.

Наступила короткая пауза.

— Тогда не заставляй меня ждать слишком долго, — тихо произнесла Аурелия.

Астория осторожно отступила, намереваясь уйти, но в этот момент услышала шелест ткани.

Она невольно повернула голову и посмотрела сквозь узкий просвет между дверью и стеной.

Адриан стоял рядом с Аурелией, держа её за талию. Его ладонь лежала на её спине так естественно, словно он делал это сотни раз. Аурелия смотрела на него без смущения и неуверенности.

Адриан наклонился и поцеловал её.

Аурелия обняла его за шею, отвечая на поцелуй без малейшего колебания. Он притянул её к себе, а она прижалась к нему с привычной свободой человека, давно знающего, что ему позволено.

Это не было случайным сближением двух людей, которые на мгновение забыли о приличиях.

Между ними существовала близость, не нуждавшаяся в объяснениях.

Астория смотрела на них, не в силах отвести взгляд.

В своей первой жизни она узнала об их отношениях гораздо позже. Тогда правда стала ещё одним ударом в череде открытий, каждое из которых разрушало её представление о людях, которым она доверяла.

Но сейчас она видела их вместе до того, как согласилась стать женой Адриана. До того, как он получил власть над её

жизнью. До того, как она связала своё будущее с человеком, который уже строил планы за её спиной.

Адриан ещё не получил её согласия, а Аурелия по-прежнему называла себя её лучшей подругой.

И всё же они целовались так, словно давно знали, что их связь должна оставаться тайной.

Астория почувствовала, как внутри поднимается тяжёлое, почти физическое ощущение.

Это была не ревность.

Не обида отвергнутой женщины.

Увиденное заставило её вспомнить всё то, что она пережила в первой жизни, и внезапно прошлое перестало быть далёким кошмаром. Оно обрело лица, голоса и прикосновения. Ложь, которую она когда-то не замечала, проступила сквозь знакомые улыбки.

Она не стала ждать, пока они разойдутся.

Тихо отступив, Астория направилась к противоположному концу коридора. Её шаги оставались ровными, спина — прямой.

Никто не должен был заметить, что она видела.

Но, оказавшись за поворотом, она остановилась.

Ей нужно было дышать.

Всего лишь дышать и не позволить воспоминаниям захлестнуть её раньше, чем она сможет справиться с ними.

Однако память уже проснулась.

Галерея, в которую свернула Астория, оказалась пустой.

Длинные окна выходили в сад, где среди подстриженных кустов горели фонари. На стенах висели старые портреты представителей рода Клариссы, а вдоль противоположной стены стояли узкие столики с декоративными вазами.

Здесь было тихо.

Астория остановилась возле окна и положила ладонь на прохладный подоконник.

Она не должна была позволять увиденному разрушить её самообладание. Не здесь, не сейчас, не на балу, где любой неожиданный жест мог привлечь внимание.

Она уже знала, что Адриан способен лгать.

Знала, что Аурелия однажды предаст её.

Но одно дело — помнить будущее, и совсем другое — увидеть, как оно начинает сбываться прямо перед глазами.

Она должна поверить, что мне нужна именно она.

Эти слова повторялись в голове, словно кто-то произносил их снова и снова.

Астория закрыла глаза и медленно вдохнула.

И вдруг услышала другой голос.

Тонкий, испуганный, надломленный.

— Астория?..

Она резко распахнула глаза.

Перед ней больше не было окон, сада и портретов. На мгновение всё исчезло, уступив место воспоминанию, от которого она пыталась убежать с самой секунды своего возвращения.

Лиззи стояла перед ней в окровавленном платье.

Ей было всего тринадцать. В её глазах оставался тот же доверчивый свет, который Астория помнила с детства. Тот самый, с которым сестра всегда смотрела на неё, когда ей было страшно.

Аурелия стояла рядом.

Золотые волосы были растрёпаны, на лице застыло выражение холодной решимости. В её руке блеснуло оружие.

Астория помнила, как бросилась к сестре.

Помнила собственный крик.

Помнила, как попыталась дотянуться до Лиззи, но её удержали. Как сестра пошатнулась, как кровь проступила на ткани, как маленькие пальцы потянулись к Астории.

И помнила Адриана.

Он стоял рядом, наблюдая за происходящим с пугающим спокойствием. Не остановил Аурелию. Не попытался спасти Лиззи. Он смотрел на Асторию так, словно страдание женщины, которую он когда-то называл своей женой, было всего лишь ещё одним инструментом, позволяющим ему добиться желаемого.

— Нет… — выдохнула Астория.

Воспоминание не исчезло.

Лиззи упала. Астория слышала её дыхание, пыталась прижать ладони к ране, звала на помощь, умоляла Адриана вмешаться.

Но он лишь смотрел.

А потом перед ней возникло другое воспоминание — последние минуты её собственной жизни.

Холодные голубые глаза Адриана.

Его рука, поднятая для последнего удара.

И голос, произносящий слова, которые Астория не могла забыть.

Ты никогда не была для меня чем-то большим, чем удачным приобретением.

Астория резко отпрянула от окна.

Её дыхание сбилось. Сердце колотилось так сильно, что каждый удар отдавался в висках. Она попыталась сосредоточиться на настоящем, напомнить себе, где находится и что произошло.

Галерея.

Дом Клариссы.

Бал.

Она жива.

Лиззи жива.

Её родители живы.

Но тело не слушалось разума. Оно помнило страх, боль и беспомощность. Помнило, каково это — смотреть на смерть любимого человека и не иметь возможности остановить её.

— Нет, — повторила Астория, уже твёрже. — Не здесь.

Тень от её фигуры на полу дрогнула.

Астория не заметила этого.

Она пыталась восстановить дыхание, вцепившись пальца-

ми в край подоконника. Но тьма у её ног начала сгущаться, словно свет нескольких ламп перестал иметь над ней власть.

Тень вытянулась по полу.

Затем поднялась по стене.

Астория отступила, и вместе с ней двинулась тьма — только её движение не совпадало с движением хозяйки. Она расползалась по каменным плитам, собиралась в густые полосы, тянулась к ножкам столиков и извивалась у основания колонн.

Астория замерла.

Она узнала эту силу.

Ту самую, которая несколько дней назад впервые проявилась в её комнате, когда лампа сорвалась с крепления и теневая лента остановила её падение.

Но тогда всё длилось лишь мгновение.

Сейчас магия вырывалась наружу, не подчиняясь ни страху, ни разуму.

— Остановись, — прошептала Астория.

Тьма не послушалась.

Одна из теней резко ударила по ножке столика. Ваза качнулась. Другая вытянулась вдоль стены, словно пыталась найти выход, а затем рванулась обратно, поглотив свет ближайшей лампы.

Астория отступила ещё на шаг.

Она не понимала, как управлять этой силой. Не знала, что именно запускает её и почему она реагирует на страх так,

будто тот становится топливом.

В прошлой жизни её считали лишённой магии.

Но сейчас тьма слушалась не её слов, а боли, которую она пыталась скрыть.

Соберись.

Астория заставила себя выпрямиться.

Это не тот день. Это не тот дом. Лиззи не здесь. Адриан не убил тебя.

Она повторяла это про себя, цепляясь за каждую фразу.

Тени продолжали двигаться.

И тогда в глубине галереи раздались шаги.

Астория резко повернулась.

В дверном проёме стоял мужчина.

Высокий, широкоплечий, в тёмном парадном камзоле. Чёрные волосы были убраны назад, а стальные глаза внимательно смотрели на происходящее. Тонкий старый шрам пересекал левую сторону его лица, начинаясь у брови и спускаясь по щеке почти до линии челюсти.

Дариан Ноктрейн.

Он не выглядел растерянным. Его взгляд сразу оценил движение теней, расстояние между ними и Асторией, её напряжённую позу и то, как магия отзывалась на каждое её движение.

Он знал, что видит.

Именно это насторожило Асторию сильнее всего.

— Леди Эвермонт, — произнёс он.

Его голос был низким и спокойным.

— Не приближайтесь, — выдохнула она.

Дариан остановился, не задавая лишних вопросов.

Одна из теней резко метнулась к нему. Он поднял руку, и тьма замерла в нескольких дюймах от его пальцев.

Это произошло так естественно, словно он сделал нечто совершенно обыденное.

Тень дрогнула, свернулась и медленно опустилась на пол.

Астория уставилась на него.

Дариан не стал объяснять, что сделал. Его внимание вновь переключилось на неё.

— Вы пытаетесь заставить магию исчезнуть, — сказал он. — Не делайте этого.

— Вы говорите так, словно знаете, что происходит.

— Я знаю, что происходит, когда теневой дар выходит из-под контроля. И знаю, что сопротивление редко помогает.

Он произнёс это без колебаний.

Астория почувствовала, как сердце забилось ещё сильнее.

Он не просто слышал о подобной магии. Он понимал её.

— Тогда скажите, что мне делать!

В её голосе прозвучало отчаяние, которое она не смогла скрыть.

Дариан посмотрел ей прямо в глаза.

— Сначала перестаньте думать о том, как остановить тени. Сосредоточьтесь на том, что вы хотите от них. Не отталкивайте силу. Направьте её.

— Я не знаю, как!

— Тогда начните с малого. Посмотрите на тень у своих ног. Не на ту, что движется по стене. На ту, которая принадлежит вам.

Астория опустила взгляд.

Тёмное пятно у её ног колыхалось, словно поверхность воды под порывами ветра.

— Не пытайтесь подчинить всё сразу, — продолжил Дариан. — Выберите одну тень. Удержите её на месте.

— А если я не смогу?

— Тогда попробуете ещё раз.

В его голосе не было ни жалости, ни раздражения. Он не обещал, что всё получится, и не пытался убедить её, будто опасности нет.

Он просто знал, что делать.

Астория заставила себя вдохнуть.

Вдох.

Выдох.

Она посмотрела на тень у своих ног и попыталась представить, как та остаётся неподвижной. Не исчезает, не растворяется, а просто перестаёт двигаться.

Сначала ничего не произошло.

Затем ближайшая тень дрогнула и замерла.

Астория едва не потеряла концентрацию от удивления, но Дариан негромко произнёс:

— Не отвлекайтесь.

Она сосредоточилась снова.

Тень осталась на месте.

Потом медленно начала сокращаться, возвращаясь к обычным очертаниям.

Остальные всё ещё двигались. Одна полоса тьмы скользила по стене, другая извивалась у основания колонны.

Дариан повернул ладонь, и тени, оказавшиеся ближе к нему, послушно опустились. Он не рассеял их полностью и не забрал управление у Астории. Он лишь сдержал самые резкие движения, оставляя ей возможность справиться с собственной силой.

В этот момент Астория почувствовала нечто странное.

Тьма, которая прежде рвалась в разные стороны, будто уловила присутствие Дариана. Она больше не металась так хаотично. Некоторые тени словно тянулись к нему, другие, напротив, отступали, освобождая пространство вокруг Астории.

Дариан тоже заметил это.

Его взгляд на мгновение задержался на тёмной полосе у своей руки, но он ничего не сказал.

— Продолжайте, — произнёс он.

Астория закрыла глаза.

Она сосредоточилась на дыхании, на ощущении пола под ногами, на собственных пальцах. Постепенно страх перестал занимать всё её сознание. Воспоминания не исчезли, но отступили достаточно далеко, чтобы она смогла отличить про-

шлое от настоящего.

Она была здесь.

Сейчас.

Живая.

Тени начали опускаться. Полосы тьмы на стенах становились тоньше, пока не слились с обычными тенями от мебели и оконных рам.

Последняя тёмная лента дрогнула у ног Астории и исчезла.

В галерее снова воцарилась тишина.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

Астория опустила руки. Они дрожали, и она спрятала их в складках платья.

Дариан заметил это, но не стал комментировать.

— Вам нужен лекарь? — спросил он.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Тогда, полагаю, вы предпочтёте, чтобы никто не узнал о случившемся.

Астория подняла на него глаза.

— Именно.

Дариан кивнул, словно другого ответа и не ожидал.

— Хорошо.

Она несколько мгновений молчала, затем осторожно произнесла:

— Вы не похожи на человека, который впервые столкнул-

ся с теневой магией.

— А вы не похожи на человека, который никогда не владел магией.

Астория насторожилась.

— Что вы хотите этим сказать?

Дариан некоторое время молчал, словно решая, стоит ли продолжать.

— В светском обществе о вас говорят гораздо больше, чем вы думаете, леди Эвермонт. Правда, не вслух и не в вашем присутствии.

— И что же говорят?

— Что вы лишены магического дара. Что за красивым именем и внушительным наследством скрывается пустой сосуд.

Астория почувствовала, как внутри всё напряглось.

Пустой сосуд.

Именно так Адриан назвал её перед смертью.

— Эти слухи ходят давно? — спросила она, стараясь сохранить спокойствие.

— Достаточно давно, чтобы повлиять на ваше положение. Вы замечали, что достойные молодые лорды редко проявляют к вам серьёзный интерес? Некоторые даже не пытаются добиться вашего расположения, хотя союз с домом Эвермонт мог бы укрепить их положение.

Астория нахмурилась.

Она действительно помнила, что в первой жизни круг её

поклонников был на удивление узким. Тогда она не придавала этому значения: считала, что дело в её характере, семейных обстоятельствах или просто в том, что подходящие мужчины ещё не встретились.

— Вы хотите сказать, что причиной стали слухи о моей магии?

— Не только слухи. Важна и репутация, которая за ними закрепилась. В аристократическом обществе никто не хочет связывать своё имя с тем, кого считают слабым звеном древнего рода. Особенно если речь идёт о будущих наследниках.

— И кто распространяет эти истории?

Дариан посмотрел на неё прямо.

— Адриан де Вальруа.

Астория не позволила лицу измениться, хотя внутри словно что-то оборвалось.

— У вас есть доказательства?

— Не такие, которые я мог бы положить перед Советом и потребовать публичного разбирательства. В этом и заключается его мастерство. Он никогда не говорит лишнего сам. Не обвиняет вас открыто, не позволяет поймать себя на прямой лжи. Он лишь обронит сомнение в разговоре с одним человеком, задаст невинный вопрос другому, выразит сочувствие третьему. Каждый считает, что услышал это от надёжного знакомого.

Дариан чуть склонил голову.

— В итоге слух распространяется сам, а тот, кто запустил

его, остаётся в стороне. Большинство даже не подозревает, что все эти разговоры могут вести к одному источнику.

— А вы подозреваете.

— Я знаю, как действует де Вальруа. И умею замечать, когда слишком разные люди вдруг начинают повторять одну и ту же мысль, используя почти одинаковые выражения.

Астория опустила взгляд.

Теперь многое начинало складываться. Адриан не просто добивался её руки. Он мог годами подрывать её положение, осторожно оттесняя от неё других возможных женихов, пока сам не становился едва ли не единственным мужчиной, готовым предложить ей брак.

И всё это время окружающие могли считать, что он оказывает ей великодушную услугу.

— Почему вы рассказываете мне об этом? — спросила она.

— Потому что мне не нравится, когда кто-то управляет чужой жизнью, прикрываясь безупречной репутацией. Особенно когда этот кто-то считает, что его невозможно разоблачить.

Дариан помолчал, затем добавил:

— И потому что после того, что я только что увидел, мне трудно поверить, будто вы действительно лишены дара.

Астория медленно подняла на него глаза.

— Есть ещё одна вещь, лорд Ноктрейн.

— Я слушаю.

— То, что вы увидели здесь… моя магия. Я прошу вас никому об этом не рассказывать.

Дариан не ответил сразу. Его взгляд скользнул к месту, где несколько минут назад тени поднимались по стенам, а затем вновь остановился на её лице.

— Вы опасаетесь, что об этом узнают при дворе?

— Я опасаюсь, что, узнав о моём даре, люди начнут задавать вопросы, на которые я пока не могу ответить. — Астория чуть помедлила. — И что некоторые из них захотят воспользоваться тем, чего я сама ещё не понимаю.

— Разумная осторожность.

— Значит, вы сохраните это в тайне?

— Я не привык разбрасываться чужими секретами, леди Эвермонт. Особенно теми, которые человек доверил мне против собственной воли обстоятельств.

— Я вам ничего не доверяла, — негромко возразила она. — Вы оказались здесь случайно.

В уголке его губ мелькнула едва заметная улыбка.

— Тогда считайте, что сегодня мне просто не повезло оказаться свидетелем события, которое меня совершенно не касается.

— Вы всегда так легко отказываетесь от любопытства?

— Нет. Но я умею отличать любопытство от необходимости вмешиваться.

Астория внимательно посмотрела на него. Она не могла знать, насколько надёжно его обещание. Дариан Ноктрейн

оставался для неё незнакомцем — опасным, проницательным и, возможно, куда более сложным человеком, чем представлялось со стороны.

Но сейчас у неё не было другого выбора, кроме как принять его слово.

— Благодарю вас.

— Пока не за что, — ответил он. — И всё же позвольте дать вам совет. Если ваша магия проявилась так сильно, значит, вам необходимо научиться ею управлять. Одного желания скрыть её недостаточно.

Астория почувствовала, как внутри отозвалось тревожное понимание: он был прав.

— А если я не знаю, с чего начать?

Дариан задержал на ней взгляд.

— Тогда вам придётся найти того, кто знает.

Он не предложил свою помощь. Не назвал себя наставником. Не раскрыл, почему так хорошо понимал происходящее с тенями.

Но Астория уже заметила то, чего не могла объяснить: в отличие от неё, Дариан ни на мгновение не выглядел беспомощным перед этой силой.

И она запомнила это.

— Вы не станете спрашивать, почему это произошло? — уточнила она.

— Я могу спросить. Но не уверен, что вы захотите ответить.

— Не сейчас.

— Тогда не сейчас.

Дариан направился к двери, но перед тем, как уйти, остановился.

— И ещё, леди Эвермонт. Не позволяйте чужим словам определять, кем вы являетесь. Особенно если эти слова выгодны тому, кто их распространяет.

— Вы говорите об Адриане?

— Я говорю о людях, которые предпочитают сначала лишить человека выбора, а потом предложить ему единственный оставшийся путь.

Астория замерла.

Эти слова слишком точно совпадали с тем, что она сама начала подозревать.

Дариан не стал ничего добавлять. Он лишь склонил голову и вышел из галереи, оставив её наедине с мыслями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.